

Григорий Игоревич Фокин

Аспирант 1-го года обучения

ЕУСПб

Категория «братства» в псковском летописании

В историографии Новгород и Псков традиционно называются «братьями»: Псков – «младшим», а Новгород – «старшим». Такая характеристика восходит еще к литературе XVIII в. (М. М. Щербатов, Н. С. Ильинский), но попытки объяснить упоминающееся в источниках «братство» двух городов начали предприниматься только со второй половины – конца XX в., когда была предложена «вассально-сеньориальная» интерпретация понятия (С. И. Колотилова, В. А. Буров). Тем не менее даже в настоящее время исследователи практически не обращают внимания на хронологию словоупотребления, а также на различие между тем, как к этому понятию обращались новгородские и псковские летописцы.

Первые упоминания новгородско-псковского «братства» в Новгородской I летописи (НПЛ) в известиях 1137 и 1228 гг. связаны главным образом с примирительной стороной понятия, которая, однако, не встречается в псковских летописях вплоть до второй половины XV в. То же касается и обозначения псковичей в качестве «младшей братии» новгородцев: в *новгородских* летописях псковичи впервые названы «младшими братьями» в известии 1397 г. (НПЛ), а в *псковских* – только в 1456 г. (П1 и П3). Первое упоминание в псковских летописях новгородско-псковского «братства» относится к 1342 г., когда псковичи отправили послов за военной помощью к витебскому князю Ольгерду, жалуясь на отсутствие помощи со стороны новгородцев. Именно с темой военной взаимопомощи связано наиболее частое обращение к «братству» псковских и новгородских летописцев XIV–XV вв., что, возможно, говорит о взаимообязывающем характере «братства» (хотя псковичи значительно реже обвинялись в отсутствии помощи новгородцам). В это время «братство» упоминается чаще всего в контексте взаимных обвинений и редко в примирительном смысле (за исключением известия НПЛ за 1397 г.), становясь уже своего рода фактором дополнительных обид (ср.: «мьямая наша брата» в Виленском списке Летописи Авраамки).

С середины XV в. возрастает частотность упоминаний новгородско-псковского «братства» (которое теперь упоминается даже в митрополичьих посланиях). Оно проникает в актовый материал и становится частью

официального языка. С этого же времени почти обязательно упоминается «старшинство» Новгорода, а также распространяется форма упоминания «братства» в единственном числе (ср.: *брат Псков* или *брат старейший Великий Новгород*).

Но есть еще одна важная особенность обращения псковских летописцев к понятию «братства», отличающая их от новгородских летописцев. Известно, что новгородцы называли «братьями» не только псковичей, но и самих себя, обозначая таким образом собственную политическую общность «братьев-новгородцев», что отразилось не только в летописях, но и в многочисленных грамотах и ганзейских документах. Подобное обращение к «братству», однако, совершенно не характерно для псковских источников, где почти не встречаются упоминания «братьев-псковичей».

Чуть ли не единственное упоминание «братьев-псковичей» в новгородских летописях относится к известию НПЛ за 1228 г., когда псковичи в Новгороде оправдывались перед новгородцами и Ярославом Всеволодовичем за самостоятельно заключенный мир с Ригой. Тогда, псковичи рассказывали, как немцы «нашу братью избиша на озѣрѣ». Согласно НПЛ, в результате конфликта псковичи также изгнали сторонников Ярослава из Пскова: «пойдите по князи своемъ, намъ есте не братья». Но насколько это отражает политический язык псковичей? Дело в том, что известие 1228 г. приходится на тот участок НПЛ, в котором новгородские летописцы наиболее активно обращались к теме «братства» самих новгородцев: с 1214 г. по 1230 г. «братство» упоминается с исключительной частотностью почти в каждой годовой статье (что, вероятно, связано с деятельностью летописцев архиепископа Антония, добровольно оставившего кафедру в 1228 г.).

В псковских же летописях упоминание псковичей в качестве «братьев» встречается всего три раза и ограничивается известиями первой половины XIV в.: дважды в речах князей Довмонта и Александра Михайловича и один раз, когда псковичи обращаются сами к себе (в известии ПЗ за 1343 г.). В речах князей упоминание «братства» сопровождается притяжательными местоимениями (ср.: «кто млад, то ми брат», «братия моя и друзи мои»), с помощью чего утверждается своеобразное единство («братство») князя с горожанами. Единственное же упоминание, когда псковичи действительно называют сами себя «братьями» относится к уникальному известию ПЗ за 1343 г., которое в этой части текстуально совпадает со «Сказанием о Довмонте». Важно, что в псковском летописании второй половины XIV – XV

вв. подобное использование слова «братия» уже не встречается, как и не упоминается «братство» псковичей в псковских документальных источниках.

В связи с этим упоминание псковского «братства» в НПЛ 1228 г. выглядит скорее как навязывание новгородского политического языка псковичам, чем непосредственное отражение их речей в летописи. Это позволяет говорить о том, что для Пскова, в отличие от Новгорода, «братство» было скорее «внешним» понятием, обращенным к внешнему миру (не «внутренним», относящимся к самим псковичам), где новгородцы были единственными «братьями» для псковичей.